

К.и.н., ст.н.с. СОИГСИ
С.М. Перевалов

Уроки Московского университета

(к 250-летию со дня основания)

С.М. Перевалов

Берегите идею университета...

М.Г. Павлов (1793–1840).

25 января (12-го по старому стилю) 2005 года, в день великомученицы Татьяны (Татианы)¹, Россия отметила 250-летие своего лучшего университета – Московского². Автор этих строк – питомец МГУ, к тому же историк, – при таких обстоятельствах как не отозваться на юбилей alma mater. Не для того, чтобы «отдать долг памяти», или лишний раз «ощутить гордость» за приобщение к великому. У нашей профессии свои задачи: не столько напоминать о событии, сколько его объяснять. И нынешний юбилей здесь использован как повод поделиться – насколько позволяют рамки статьи – соображениями о том, что, на мой несколько пристрастный взгляд, не требует и повода: о роли и значении Московско-

Памятник первооснователю Московского университета И.И. Шувалову.

го университета для России.

История учреждения Московского университета достаточно хорошо известна, для нашей цели будет достаточным вспомнить ее в немногих словах. Университет с 1940 г. носит имя М.В. Ломоносова (1711–1765), и носит недаром. «Он создал первый

университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом» (А.С. Пушкин). Первый русский академик, неутомимый труженик науки действительно достоин звания духовного основателя университета. Он предложил идею, разработал организационную структуру, учебные планы и программы будущего университета. Но в елизаветинскую эпоху никакой самый крупный ученый не мог обойтись без поддержки сильных мира сего. Такую поддержку «архангельскому мужику» оказал «просвещеннейший» вельможа, покровитель наук и искусств, граф Иван Иванович Шувалов (1727–1797), которому, как равноправному с Ломоносовым учредителю, университет, исправляя сложившуюся исторически несправедливость, недавно поставил памятник (как раз напротив Ломоносовского) у нового здания Фундаментальной научной библиотеки. Представленный И.И. Шуваловым проект созда-

М.В. Ломоносов, инициатор основания Московского университета.

¹Родом из знатной римской семьи, отец которой тайно исповедовал христианскую веру и воспитал в этой вере дочь. Будучи диаконтиссой, приняла мученическую смерть во время гонений при малолетнем императоре Александре Севере (ок. 226 г.). И.И. Шувалов, первооснователь университета, выбрал для подписания указа Елизаветы Петровны об учреждении Московского университета день памяти св. Татьяны в честь тезоименницы, своей матери Татьяны Ростиславской. Указом президента В.В. Путина от 25 января 2005 г. Татьяна день официально объявлен всероссийским студенческим праздником.

²До революции 1917 года – Московский императорский университет (МИУ), после революции – Московский государственный университет (МГУ), с 1940 г. – МГУ имени М.В. Ломоносова.

ния университета из трех – юридического, медицинского и философского – отделений (факультетов) и двух – для дворян и разночинцев – гимназий, был вначале одобрен сенатом, затем утвержден указом Елизаветы Петровны (1741–1761) от 12 января 1755 г. 26 апреля того же года университет праздновал свою инаугурацию в здании Главной аптеки у Воскресенских ворот, на месте нынешнего Государственного Исторического Музея. С тех пор университет, постоянно расширяясь, сменил несколько мест своего пребывания. Сегодня основной комплекс зданий расположен на Воробьевых Горах, число факультетов дошло до 29, кафедр – свыше 350, научно-исследовательских институтов при университете – 15. В МГУ преподают 2,5 тыс. докторов и до 6 тыс. кандидатов наук, ведут исследования 5 тыс. научных сотрудников, обучаются свыше 40 тысяч студентов, аспирантов и докторантов, студенты – по 27 направлениям и 57 специальностям, аспиранты и докторанты – по 168 научным специальностям. Достижения университетских ученых признаны во всем мире. Только один факт: из 18-ти наших соотечественников – лауреатов Нобелевской премии – 11 являлись выпускниками или профессорами Московского университета.

Две даты – 1755 и 2005 гг. Рождение и зрелость. Между ними – два с половиной века истории, в которой случалось всякое, где славные времена перемежались с будничными, трудными, порой трагическими. Дело университета налаживалось с большим трудом. В первые полвека было плохо и с профессорами, и с учителями (в гимназиях), и со студентами. Университет был один на всю Россию, рос и развивался методом проб и ошибок. Учреждение в 1802 г. Министерства народного просвещения явилось этапом в развитии высшего образования в России. Четыре новых (Виленский, Казанский, Харьковский, Петербургский) русских университета, учрежденных в царствование Александра I, вместе с Московским и Дерптским (имеющим особый, приближенный к немецким университетам, устав) стали центрами учебных округов, включающих низшие (приходские, уездные училища) и средние (гимназии) учебные заведения. Длительная «борьба за школу и просвещение» между властью и общественностью в XIX веке [12, с. 279] вызвала череду реформ и контрреформ в области образования, вехами в которых становились университетские уставы: «либеральные» 1804 и 1863, «охранительный» 1835, «реакционный» 1884. В начале XX века Московский университет оказался между молотом революции и наковальной административного про-

извола: наиболее крупным потрясением стала отставка 130 ведущих профессоров и преподавателей во главе с ректором А.А. Мануйловым в знак протеста против нарушения университетской автономии в министерство Л.А. Кассо (1911 г.), сопровождавшейся установлением полицейского надзора и массовым отчислением неблагонадежных студентов.

Советский период (1917–1991 гг.) начался с разгрома университетского образования. Диктаторская власть заняла по отношению к высшей школе «классовую» позицию строгого идеологического надзирателя за профессорско-преподавательским и студенческим составом, содержанием преподавания, концепцией образования и т.д. И – показатель страшного падения этических норм – «тогда никто из профессоров университета уже не подавал прошения об отставке в знак протеста против набирающего силу произвола. Ведь в лучшем случае подавший лишался бы средств к существованию. А в худшем... [...] подобные поступки стоили бы жизни» [17, с. 47]. Прежнее понимание «академической свободы» кануло в Лету, на смену пришел примитивный диктат партийных органов. 20-е и 30-е гг., годы «великого перелома», – самые печальные в истории университета. Даже по сдержанной оценке умеренных защитников университетских традиций, «структурные изменения, различные суперреволюционные эксперименты в организации учебного процесса типа «бригадно-лабораторного метода» и, конечно же, продолжавшаяся в течение многих лет идеологизация наук, в том числе и естественных, а также связанное с этим установление политического руководства научной деятельностью и преподаванием нанесли серьезный урон развитию многих областей фундаментальной науки» [17, с. 179]. В послевоенный, и особенно в послесталинский, период МГУ пережил расцвет, но уже не в качестве свободного сообщества ученых и студентов, а как составная часть тоталитарного общества, с присущими этому обществу особенностями: изолированностью (кроме немногих избранных) от мирового научного сообщества, милитаризацией науки, экстенсивным характером обучения, сервильностью ученых, нивелировкой личности студента. Внешнее благополучие университета не было прочным, поскольку зависело от благоволения власти, а абсолютная власть не бывает долговечной, даже в России.

Падение коммунистического режима и развал СССР (1991 г.) не могло не вызвать кризиса крупнейшего его университета. И это же событие явилось стимулом к его обновлению, к поиску своего

места в новых исторических условиях. Надо сказать, что в 90-е годы руководство университета занимало весьма консервативные позиции: задача «сохранения» старого наследия казалась более важной, чем его реформирование. Жизнь, однако, брала свое: состоялась деполитизация образования, особое положение ведущего вуза страны способствовало упрочению его автономии, возвращению некогда утраченных академических свобод.

Июньским 1992 г. указом Президента России Б.Н. Ельцина Московский университет получил статус самоуправляемого государственного высшего учебного заведения. Новый Устав МГУ, принятый в 1993 и обновленный в ноябре 1998 года, утвердил курс на обеспечение свободы преподавания, науч-

ного исследования и духовного развития человеческой личности. По оценке ректора В.А. Садовниченко, «университет не просто сохранил свои позиции – за последние годы он существенно увеличил свой потенциал» [14, с. 10]. Сказать, что все трудности остались позади, не может никто. В России еще не завершился переход от одной формации к другой, сложно идет процесс интеграции в европейское общество, да и мир в целом претерпевает болезненные изменения. Вызовы XXI века (глобализация, трансформация западных ценностей, столкновение цивилизаций) по своим масштабам превзойдут все предыдущие. Их решение будет по силам лишь людям, вооруженным самым современным знанием. Если вектор общественного развития будет благоприятным для наук, Московскому университету (хочется верить) суждено большое будущее. Но будущее может и не состояться, если не будут усвоены уроки прошлого.

К прошлому мы и возвращаемся – с тем, чтобы попытаться определить место университета в жизни России. Страны становящейся, до сих пор находящейся в поисках собственной национальной идеи (задача, актуальность которой возрастает пропорционально росту числа критиков необходимости самой идеи). В чем историческая роль, значение

Московского университета для страны? Каковы, уточню вопрос, его исторические уроки? Всякие, в том числе горькие. Те, что могли бы пригодиться нам сейчас. Чтобы взять, словами Ж. Жореса, из прошлого «огонь, а не пепел».

Три урока мне представляются наиболее значимыми для настоящего момента.

Урок *первый* состоит в опыте прививки в Рос-

Старое здание Московского университета на Моховой.

сии европейской (западной) культуры. М.В. Ломоносов задумал учредить «Московский университет по примеру иностранных» [13, с. 26], и указ Елизаветы от 12 января 1755 г. подтверждал учреждение «в Москве университета для дворян и разночинцев, по примеру европейских университетов» [13, с. 29]. Исторический выбор между Европой и Азией (Востоком)

был решен в пользу Европы, по крайней мере, в сфере науки и образования. Как и почему?

Европеизация в России – дело Великого Петра. По словам одного из его младших соратников И.И. Неплюева, «на что в России ни взгляни, все его началом имеет» [7, с. 343]. Наука и просвещение – его же. Об этом хорошо помнили основатели Московского университета, вписывая в Елизаветин указ слова: «Когда бессмертная слава в Бозе почивающий, любезнейший наш родитель и государь Петр Первый, император великий и обновитель отечества своего, погруженную во глубине невежества и ослабевшую в силах Россию к познанию истинного благополучия роду человеческому приводил» [13, с. 28–29] и т.д. (в XVIII веке не скупилась на риторические длинноты).

Настоящей целью для Петра была модернизация России, европеизация – лишь ее средством («Нам нужна Европа на несколько десятков лет, а потом мы можем повернуться к ней задом»). Вскоре выяснилось, что модернизацию по-европейски нельзя было проводить, заимствуя лишь внешние формы: неминуемо приходилось перенимать и содержание. Для проекта обновления России требовались люди, мыслящие по-новому. На первых порах это казалось легким делом: взять и пересадить на русскую по-

чву «заморские» науку и образование. Иноземные советники Петра (Г. Фик и др.) уверяли его «о нетрудном обучении и воспитании российских младых детей» [2, с. 31; 3, с. 46]: иллюзия, которой не был чужд и великий Лейбниц [6, с. 43] и которая так соответствовала духу XVIII века, века великого Просвещения. Идея доступности научных знаний для всех народов, независимо от особенностей исторического развития, базировалась на учении о единой природе человека. Сейчас, с расстояния в сотни лет, можно говорить о неисторизме мышления просветителей XVIII в. [1, с. 13]. Но именно благодаря этому их заблуждению просвещением оказалась захвачена совершенно неподготовленная к нему Россия.

В России и до Петра были грамотные люди, но содержание грамотности было ущербным, не приспособленным для развития научных знаний. Причиной тому – история страны. Творение в истории, «как и в природе, бывает только один раз» [20, с. 30]. Европейская наука родилась в Греции, была воспринята Западом через римское (с латинским языком) посредничество. Русь познакомилась с греческим наследием не в античной форме, а в византийской (да еще с помощью болгар), восприняв в качестве идеала не всеобъемлющее любознательное, а уничижительную интеллектуальную скромность. Когда в Европе всюду расцветал Ренессанс, наш просветитель, родоначальник идеи «Москва – третий Рим», старец Филофей с непонятной для европейца гордостью утверждал: «Аз – сельский человек, учился буквам, а еллинских борзостей не текох, а риторских астроном не читах, ни с мудрыми философы в беседе не бывал, – учюся книгам благодатного закона, аще бы мощно моя грешная душа очистити от греха». Тогдашнее православие было врагом настоящей науки, как и вообще «латинства». Откуда же было взяться русскому просветительскому духу? Приходилось «прорубать окно в Европу» и заимствовать научную культуру там³.

Попытки внедрить университетское образования предпринимались и до Елизаветы Петровны. Когда Петр I учредил Петербургскую Академию наук (указ от 28 января 1724 г., открыта после его смерти), при ней был открыт и университет с гимназией. Высокий научный уровень академии удалось обеспечить за счет иностранных ее членов, с образованием было сложнее. Приглашенные в акаде-

мию европейские светила (братья И. и Д. Бернуллы, Л. Эйлер и др.) работали главным образом «для славы среди иностранцев» (ad plausum exteriorum), но никакого воздействия на просвещение народа оказать не смогли. «Система академического воспроизводства кадров срабатывала пока скандально вхолостую. И не по вине академиков и профессоров» [10, с. 54]. Не было почвы. Наука не может существовать в безвоздушном пространстве, она требует социального и культурного контекста. Московский университет, специально ориентированный на деятельность внутри страны, был призван создать этот контекст. В чем-то его проект воспроизводил предложение немецкого философа Х. Вольфа, советчика Петра: сперва основать университет и возвратиться к проекту учреждения академии только тогда, когда явится возможность привлечь туда русских ученых [12, с. 258; 3, с. 46]. Хоть не сразу, но идею удалось реализовать.

Всегда есть опасность преувеличить то, что М. Блок называл «идолом истоков». Идея Московского университета изначально являлась и европейской идеей. Значит ли это, что она была таковой и в дальнейшем, и остается ею сейчас? Как мне представляется, дело обстоит именно так. В юбилейный (и печальный из-за событий 9 января) для университета 1905 год В.О. Ключевский – сам носитель лучших традиций Московского университета – подчеркивал его тесную связь с процессами, проходящими в мире и Европе. «На кафедрах и скамьях университета, в профессорских курсах и в настроении студенчества согласно и чутко отзывались и великие завоевания европейской науки, и мировые международные столкновения, и шумные общественные движения Запада, и крутые переломы, испытанные русской жизнью в это полное событий время» [5, с. 197]. Периоды отчуждения случались, но лучшие страницы Московского университета принадлежат периодам тесных контактов с европейской прародиной наук: попытки отойти от европейских образцов отбрасывали университет назад, как было после подавления революции 1848–1849 гг. и контрреформ 1880-х.

Отдельный вопрос – достижения советской науки, достигнутые в условиях «железного занавеса». Достижения были, вопрос в цене – непомерно высокой. «Мы в течение десятилетий добровольно создавали вокруг собственной страны стену, добро-

³ Эту мысль о круговороте наук Петр I высказывал в 1714 г. Один из иностранцев записал следующие слова царя-преобразователя: «Историки полагают колыбель всех знаний в Греции, откуда по превратности времен они были изгнаны, перешли в Италию, а потом распространились было и по всем австрийским землям, но невежеством наших предков были приостановлены [...] Теперь очередь приходит до нас» [8, с. 402].

вольно жили в условиях изоляции... В условиях, когда наука, передовые технологии приобретают первостепенное значение, с точки зрения развития государства такое состояние стало абсолютно губительным», – слышим мы из уст нынешнего президента страны [15, с. 3]. Наши успехи были в основном связаны с отраслями, обслуживающими ВПК (космические исследования, ядерная энергетика), другие направления отставали. По идеологическим причинам подавлялись генетика и кибернетика. В гуманитарных науках господствовали догматизм и начетничество. Состоявшийся в 30-е годы переход от классической модели универсального высшего образования к подготовке узкопрофильных специалистов поколебал сам принцип всеобъемлющего университетского (т.е. «совокупного» – *universitas*) образования. Сейчас фундаментальное образование восстанавливается: одним из симптомов является возвращение в состав МГУ медицинского – одного из трех старейших – факультета.

Я не сторонник детерминизма, но поборник того, чтобы трехвековой опыт хождения в Европу учитывался в полной мере и сегодня. Мировые интеграционные процессы все глубже затягивают Россию. Одно из направлений интеграции – участие в т.н. Болонском процессе по созданию единого общеевропейского образовательного пространства. Позиция МГУ по этому вопросу довольно сдержанная, а неоднократные высказывания его ректора В.А. Садовниченко о предпочтительности сотрудничества не с Евросоюзом, а со странами СНГ, побуждают задуматься и еще раз оглянуться назад. «Двигаясь ощупью в потемках, мы видим перед собой полосу света, падающую на наш дальнейший путь от кого-то сзади нас. Эта проводница наша – история с ее светочем, с уроками и опытами, которые она отбирает у убегающего от нас прошлого» [9, с. 7–8]. Европейский выбор – и есть первый урок истории Московского университета.

Урок *второй* касается осуществления академи-

ческой свободы в университетских делах. Быть Европой – значит иметь Свободу. «Свобода» – *sine qua non* европейской культуры. Свобода научного творчества, без чего нет и университета, – тем более. Но свобода науки в самодержавной России (а потом – в тоталитарном СССР)? Сама мысль об этом кажется диковатой.

И тем не менее уже в указе Петра I об образовании Петербургской Академии наук мы читаем: «Науки никакого принуждения и насилия терпеть не могут, любяще свободу» (Регламент 1725 г. § 4). Тот же принцип был перенесен на Московские университет и гимназию. Поступить туда мог только свободный человек, «понеже науки не терпят принуж-

Главное здание МГУ на Воробьевых горах.

дения и между благороднейшими упражнениями человеческими справедливо считаются» (Проект § 26). С одной стороны, это закрывало путь к учебе крепостным. С другой – позволяло освобождать крепостных (по желанию помещика), с тем, чтобы, «когда он науки свои порядочно окончат и от университета с аттестатов отпущен будет для определения в службу государеву или на вольное пропитание, тогда [...] и дать волю, чтоб никаким образом никто его в холопство привести не мог» (§ 27) [13, с. 34–35]. Grimасы крепостничества видны и здесь, но в принципе воздух университета, как в средневековых городах, делал человека свободным.

Парадоксом русской действительности явился тот факт, что гарантом свободы европейского образца стало деспотическое государство, самодержец. Пушкин знал, что говорил, называя правительство «единственным европейцем» в стране. Общество относилось к науке в лучшем случае равнодушно, в худшем – враждебно. Святейший Синод, «припадая к стопам», умолял Елизавету запретить распространение идей, «ведущих к натурализму и безбожии». «Завещанная Петром свобода науки оставалась такою же непонятностью, как и сама наука» [19, с. 37.]. Екатерине II еще в 1787 г. приходилось напоминать, что профессор Московского уни-

верситета с аттестатов отпущен будет для определения в службу государеву или на вольное пропитание, тогда [...] и дать волю, чтоб никаким образом никто его в холопство привести не мог» (§ 27) [13, с. 34–35]. Grimасы крепостничества видны и здесь, но в принципе воздух университета, как в средневековых городах, делал человека свободным.

верситета «не подвергаются принуждению ни в рассуждении правил науки, ни в рассуждении книг учебных: свобода мыслей способствует вообще знаниям, но при такой науке, в коей ежедневно являются новые разрешения и новые открытия, нужна она особливо» [12, с. 287–288].

Протекционизм правительства заключал в себе не только силу (есть мнение, что «в нашей стране наука существует либо как государственное дело, либо вовсе не существует» [18, с. 30]), но и слабость, точнее – опасность. Правительство с его инстинктом самосохранения консервативно в принципе, а в России особенно: как инструмент авторитарной власти, оно допускает свободу лишь до определенного предела. Науке самой ее природой предназначено раздвигать пределы знаний до бесконечности и ломать все ограничения. Столкновение двух сил было предсказуемо, вскоре оно стало неизбежным, приобретя особую остроту в начале XX века (революции 1905 и 1917 гг.). Неумение найти консенсус дорого обошлось обеим сторонам: выросшая рядом третья сила, большевизм, подмяла под себя тех и других, установив такой режим тотального контроля над умами, перед которым бледнеют все реальные и вымышленные «ужасы» охранного отделения, бывшего некогда пугалом для свободолюбивых интеллигентов. Можно сказать, что вековая борьба закончилась полной победой государства нового типа (если вообще можно говорить о государстве применительно к СССР)⁴ и поражением свободной науки в годы советской власти⁵. Но победа оказалась пирровой: в 1990-е годы, после успешного «бунта науки против государства» [18, с. 28], вновь во весь рост встала проблема взаимодействия науки и власти – уже не столь абсолютной, но все еще далекой от того, чтобы считаться в полном смысле выразительницей национальных интересов. На уровне деклараций приоритет науки и образования в государственной политике признан, но, как всегда, «дьявол кроется в деталях», в конкретных решениях чиновничьего аппарата. Противостояние науки и бю-

рократии достаточно ощутимо и в наши дни. Имеющиеся противоречия удалось бы погасить, либо направить в русло сотрудничества, будь в стране амортизатор в виде общественного мнения, отражающего интересы нации в целом. «Свободное общество свободных людей» могло бы стать гарантом и свободной науки. Но его только предстоит создать – еще одна проблема, в решении которой кровно заинтересован университет.

Построение в России гражданского общества сейчас осознается как задача первостепенной важности. В полном смысле слова такого – независимого от государства – общества у нас еще не было. Но были попытки двигаться в этом направлении, и свой неповторимый вклад в этот процесс внес Московский университет. В опыте целенаправленного воздействия на жизнь страны с целью ее обустройства на гражданских началах состоит *третий* урок Московского университета.

Еще раз напомним, что Московский университет формально был вторым после Санкт-Петербургского (1724–1766), основанного при академии, но так и не ставшего подлинным центром высшего образования. «При Академии наук не токмо настоящего университета не бывало, но еще ни образа, ни подобия университетского не видно» (М.В. Ломоносов). Регламент 1747 г. отделял занятых наукой и свободных от преподавания академиков от профессоров, «которые учить должны в университете» [3, с. 50]. У Петербургского университета, таким образом, отсутствовали такие отличительные черты университета, как автономия и связь науки с преподаванием. И еще одно, может быть, самое главное: Петербургский университет, созданный в новой чиновной столице по советам иностранцев, почти на пустом месте, был чужд и непонятен традиционному российскому обществу. Московский же университет инициировали «природные» россияне (М.В. Ломоносов, И.И. Шувалов), с учетом имевшихся условий (мы бы сказали – готовой инфраструктуры). Указ Елизаветы так определял пре-

⁴ По словам М. Мамардашвили, «о государстве можно вообще говорить только как о государстве в традиционном смысле этого слова. Наше же государство не является государством в традиционном смысле слова, потому что оно совпадает с обществом. Поэтому, когда я говорю, что только внутри государства можно мыслить граждански, я имею в виду европейское государство, рядом с которым есть гражданское общество, не поглощенное им» [11, с. 68].

⁵ Наука, конечно, продолжала существовать в качестве сферы профессиональной деятельности, но без присущего ей духа свободного интеллектуального поиска; единство науки (которую делили на «советскую», «буржуазную» и т.д.) отрицалось, как и понятие объективной беспартийной истины. Допускались лишь частные истины в частных науках (естественных, математических и т.д.), выход за рамки которых был чреват неприятными последствиями даже в годы «развитого социализма», когда режим контроля над умами существенно ослабел (судьба академика А.Д. Сахарова).

имущества Москвы: «1) великое число в ней живущих дворян и разночинцов; 2) положение оной среди Российского государства, куда из округ лежащих мест способно приехать можно; 3) содержание всякаго не стоит многого иждивения; 4) почти всякий у себя имеет родственников или знакомых, где себя квартирою и пищею содержать может; 5) великое число в Москве у помещиков на дорогом содержании учителей, из которых большая часть не токмо учить науке не могут, но и сами к тому никакого начала не имеют» [13, с. 30]. В основу Московского университета с самого начала был положен принцип всесословности, уже при Ломоносове русский язык стал использоваться в качестве языка обучения (наряду, а затем и вместо латинского с немецким): все это способствовало тому, что университет становился подлинно национальным центром науки, культуры и образования и как таковой оказывал все большее влияние на рост общественного сознания.

Русская интеллигенция, с ее особым отношением к действительности, – важнейший продукт общественной деятельности университета. Первые интеллигенты XVIII в., включая Ломоносова, занимали проправительственную позицию. Временное единение двух, казалось бы, полярных (о чем говорилось выше) сил объяснялось тем, что правительство «просвещенного абсолютизма» смотрело на образование с утилитарной точки зрения и поощряло главным образом практические науки. Когда же пришел черед наукам «мыслительным» (т.е. философии прежде всего), появилась идейная оппозиция. С А.Н. Радищева (питомца Московского университета), изучавшего философию в Германии, началась история антиправительственной интеллигенции, или интеллигенции *sui generis* [20, с. 41]. Центром нового идейного брожения в 1840-е гг. стал Московский университет. С.М. Соловьев писал в 1843 г. о заключении русским обществом «святого союза» с университетом «для дружного, братского прохождения своего великого поприща» [7, с. 319]. Такой «союз» был вызван появлением группы побывавших в Европе профессоров с либеральными взглядами западного толка (Грановский, Кудрявцев, Редкин, Крюков, Кавелин): признанным лидером «западников» стал Т.Н. Грановский. «С его времени, – отмечал В.О. Ключевский, – с его публичных лекций Московский университет стал средоточием лучших чаяний и помыслов для образованного русского общества. Грановский завязал ту внутреннюю духовную связь между Московским университетом и обществом, которая крепка доселе и для обеих стала старозаветной традицией» [7, с. 299].

Это одна сторона дела. Сам Грановский видел и другое: распространение среди свободомыслящей молодежи духовного нигилизма, вырастающего на почве «материализма», либо все того же утилитарного отношения к науке как средству политической борьбы, которое в итоге вылилось в противоборство «между невежественным государством, в лице правительства, и свободною культурою невежества, в лице оппозиционной интеллигенции» [20, с. 46]. Перед нами один из «проклятых» вопросов русской истории. В какой-то момент Московский университет стал местом для выражения оппозиционных, а часто и революционных взглядов: насколько это оправдано? Критический подход – основа научного метода – был автоматически перенесен на оценку текущей политической действительности. Но наука имеет дело с вечностью, политика – с повседневностью: смешение понятий приводило к завышенным требованиям в настоящем и необоснованным ожиданиям в ближайшем будущем, что и порождало оппозиционные настроения, почву для которых густо удобрял свойственный именно Московскому университету дух просветительства. Просвещение вообще определяется как «выход людей из малолетства» (И. Кант), способность обходиться собственным умом, без опоры на внешний авторитет. Это скорее пропедевтика, не сама наука. Для последней требуются дополнительные навыки, приобретаемые в ходе собственно научных занятий. И в этом отношении преподавательская практика Московского университета вызывала суровую критику, в частности – со стороны ученых Санкт-Петербургского университета, где возобладал курс на самоценность строгой науки, именуемый его идейными противниками «узкоспециальным». В научной популяризации московских профессоров видели профанацию науки такие корифеи, как востоковед В.В. Григорьев (1816–1881), филолог И.И. Срезневский (1812–1880). «Не только Грановский, Кудрявцев не считались людьми науки, а просто дилетантами, но и к Соловьеву и Буслаеву относились с нескрываемым пренебрежением», – вспоминал петербуржец Л.Ф. Пантелеев. Легче всего с «классовых» позиций объяснить такое отношение тем, что «господствующий режим перекраивал на свой лад и духовно подчинял даже людей выдающихся» [21, с. 59]. Оставляя в стороне личностные оценки, стоит сказать о проблеме: она гораздо глубже и касается определения места университета в обществе, означающего и его самоопределение.

Самоопределение начинается с университетской автономии, защищающей академическую сво-

боду. Как писал в 1905 г. первый выборный (прежде ректора назначались) ректор Московского университета С.Н. Трубецкой: «Самостоятельность университета, университет для университета – вот что нужно нам» [17, с. 343]. Внутренне университет живет свободной наукой. Но, поскольку существует и внешний мир, возникает вопрос: по какой схеме строить отношения университета с обществом?

Для России этот вопрос всегда стоял остро и заключал в себе дилемму (с разными вариациями): служить государству или «народу». Вопрос этот актуален и сейчас, причем простого ответа ожидать не приходится: крайне трудно бывает найти тот баланс интересов, который бы удовлетворял всех. Но какой-то отбор проведен самой историей. Опыт государственно-партийного администрирования в советский период, когда коллектив МГУ возглавлял его «политический авангард» в лице партийной организации [4, с. 15], а задачи определялись ЦК КПСС и Совмином, очевидно, изрядно подмочил, если не окончательно дискредитировал идею (хотя остается практика, основанная на инерции мышления) подчинения университетов государственным интересам (на деле – интересам власти). Новая, пришедшая на смену коммунистам власть приняла ряд мер, направленных на расширение самостоятельности университетов. Уже упоминалось о предоставлении МГУ статуса самоуправяемого государственного высшего учебного заведения (1992 г.). Действующая Конституция РФ (ст. 44.1) провозгласила свободу научного творчества. Обычно разумеют «свободу» от государственного вмешательства. Сегодня речь должна, видимо, идти о свободе и независимости университетов в более широком плане – от любых общественных институтов, будь то политические партии, национальные движения, или коммерческие структуры. В России лучше, чем где бы то ни было, знают, как быстро совершается переход от свободы к диктатуре в рамках одной и той же организации, какую опасность для ученого несет подчинение дисциплине той или иной партии или группировки. Партийность, эту неперемнную спутницу «передовой российской интеллигенции» – не только коммунистического, но либерального, народнического и любого другого толка, – следует считать «детской болезнью» наших, в общем-то молодых в сравнении с европейскими, университетов.

Отказ от столь привлекательной на первый взгляд идеи общественного (народного, партийно-

го, национального) служения для нашей научной интеллигенции будет наверняка делом нелегким, но необходимым. Что взамен? То, ради чего и создан университет: свободная наука. Так понимают миссию университета в Европе. «Университет – это община ученых. Это не детский сад, не клуб, не реформаторий; это не политическая партия и не агентство по пропаганде. Университет – община ученых. [...] Без свободы исследования, свободы суждений и свободы преподавания университет не может существовать. Без этих свобод университет становится политической партией или агентством по пропаганде. Он перестает быть университетом» [цит. по: 19, с. 364–365].

Именно исполняя свое прямое назначение, университет возвращает долг обществу, не скатываясь до удовлетворения сиюминутных его потребностей (что на практике означает защиту интересов отдельных лиц и организаций), а обеспечивая научную проработку проблем, перед этим обществом стоящих, с учетом перспектив мирового – поскольку наука интернациональна – развития. Впрочем, реализация идеи университета имеет значение и в практическом плане – для строительства гражданского общества. Последнее формируется не столько из граждан, сколько из независимых, сознающих свои собственные интересы, общественных организаций, каким и является по определению университет. Для нынешней России это скорее цель, чем данность, но были у Московского университета времена, когда «студенты ценили профессоров, профессора понимали студентов: те и другие гордились своим университетом, тех и других уважало общество. Обилие научных сил поддерживало единодушие между аудиторией и кафедрой, единомыслие между университетом и обществом. [...] десятки тысяч студентов вышли из университета и, расходясь по городам и усадьбам отечества, будили местные силы духовными интересами и знаниями, вынесенными из университета» [5, с. 197]. Взрастить эту атмосферу взаимного доверия в отношениях университета и общества будет не просто, но «дорогу осилит идущий».

Статью полагается завершать выводами, юбилею принято делать пожелания. Выводы таковы: без европейской идеи, без свободы науки и преподавания, без осознания собственного предназначения в решении проблем российского общества не существует Московского университета. Пожелание одно: беречь и развивать идею университета.

Литература

1. **Аверинцев С.С.** Два рождения европейского рационализма // *Вопросы философии*. 1989. № 3. С. 3–13.
2. **Бартольд В.В.** Обзор деятельности факультета восточных языков // В.В. Бартольд. Сочинения. Т. IX. Работы по истории востоковедения. – М.: Наука, 1977. С. 21–196.
3. **Высшее образование в России: Очерк истории до 1917 года** / Под ред. В.Г. Кинелева. – М.: НИИ ВО, 1995. 352 с.
4. **Историческая наука в Московском университете (1934–1984)**. – М.: Изд-во МГУ, 1984. 333 с.
5. **Ключевский В.О.** Неопубликованные произведения. – М.: Наука, 1983. 416 с.
6. **Ключевский В.О.** Сочинения. В 9 т. Т. IV. Курс русской истории. Часть IV. – М.: Мысль, 1989. 398, [1] с.
7. **Ключевский В.О.** Сочинения. В 9 т. Т. VII. Специальные курсы. – М.: Мысль, 1989. 508, [1] с.
8. **Ключевский В.О.** Сочинения. В 9 т. Т. VIII. Статьи. – М.: Мысль, 1990. 445, [1] с.
9. **Ключевский В.О.** Сочинения. В 9 т. Т. IX. Материалы разных лет. М.: Мысль, 1990. 525, [1] с.
10. **Кузнецова Н.И.** Социальный эксперимент Петра I и формирование науки в России // *Вопросы философии*. 1989. № 3. С. 49–64.
11. **Мамардашвили М.** Как я понимаю философию. 2-е изд., измен. и доп. – М.: Издат. группа «Прогресс»; «Культура», 1992. 415 с.
12. **Милюков П.Н.** Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. 2. Ч. 2. – М.: Изд. группа «Прогресс-Культура», 1994. 496 с.
13. **Московский университет в воспоминаниях современников (175–1917): Сборник / Сост. Ю.Н. Емельянов.** – М.: Современник, 1989. 735 с.
14. **Московский университет. Ежегодник – 2001: Краткий отчет о состоянии и действиях Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова за 2001 год.** – М.: Изд-во МГУ, 2002. 832 с. (Сер. «Архив Московского университета»).
15. **Соснов А.** Спросил студент у президентов... // Газ. «Поиск». 31.05.2002. № 22. С. 3.
16. **Розанов В.В.** Опавшие листья. Короб второй // Розанов В.В. Сочинения. Т. 2. Уединенное. – М.: Изд-во «Правда», 1990. С. 421–629.
17. **Садовничий В.А.** и др. Университетское образование: приглашение к размышлению. – М.: Изд-во МГУ, 1995. 352 с.
18. **Семенов Е.В.** Явь и грезы российской науки. – М.: Наука, 1996. 480 с.
19. **Сопер П.** Основы искусства речи: Пер. с англ. 2-е испр. изд. – М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1992. 416 с.
20. **Шпет Г.Г.** Очерк развития русской философии. Часть I. // Шпет Г.Г. Сочинения. – М.: Изд-во «Правда», 1989. С. 11–342.
21. **Эймонтова Р.Г.** Русские университеты на грани двух эпох. – М.: Наука, 1985. 350 с.

